

Мы должны научить наших детей ве

ЧЕЛОВЕК КОМАНДЫ

Первый заместитель губернатора области Ирина Скороходова, пожалуй, дольше всех работает в команде Анатолия Лисицына. Начав с должности руководителя пресс-службы, она стала затем начальником управления, заместителем губернатора и, наконец, одним из трех первых заместителей главы региона. Последние пять лет она непосредственно курирует блок социальных вопросов – медицину, образование, соцобеспечение. О том, что удалось за это время сделать и над чем предстоит работать, Ирина Скороходова рассказала в интервью «Северному краю».

– Ирина Ильинична, вы можете вспомнить свой первый рабочий день в администрации области? Какие впечатления остались у вас от того времени?

– Ощущение чистого поля, на котором ничего не построено и ничего не растет. В выделенном мне кабинете был только пустой стол и стул. В «наследство» от прежних сотрудников не осталось даже списка средств массовой информации, выходивших тогда в области. Все приходилось начинать с нуля: знакомиться с практикой работы пресс-служб, выстраивать отношения с прессой, разрабатывать систему освещения работы администрации. Кстати, своих СМИ у исполнительной власти тогда уже не было, а ситуация в области сложилась очень непростая.

– При том, что в 1991 году ни в Ярославле, ни в других городах области не было каких-то политических инцидентов, обстановку действительно была напряженной. Общество готово было расколоться. В связи с этим какой из первых шагов Анатолия

Ивановича Лисицына, назначенного главой администрации области, запомнился вам наиболее ярко?

– Пожалуй, наш визит к тогдашнему главе Ярославской епархии владыке Платону на Рождество. Это было буквально в первые дни пребывания Анатолия Ивановича в новой должности. Фактически с этого визита началась работа по восстановлению того, что было разрушено, утрачено в предшествующие годы.

– Можно ли сказать, что принятое недавно на уровне главы государства решение о возвращении Толгскому монастырю иконы «Богоматерь Толгская» стало определенным рубежом на этом пути? Ведь известно, что отношение к этому акту неоднозначное.

– Я этим вопросом по поручению губернатора занимаюсь с тех пор, как стала заместителем председателя правительства. Тогда в мое ведение перешла комиссия по передаче церковного имущества Православной церкви. Сначала мы стали изучать ситуацию: возмож-

но это, невозможно, какие шаги следует предпринять, с чего начать. Реакция поначалу была довольно неадекватной, в том числе и в средствах массовой информации. Меня обвиняли, что вот, мол, государственный чиновник разбазаривает музейные ценности. В то же время мы получили массу писем от людей, которые не просто поддерживали идею передачи иконы, а требовали этого и предлагали всяческую помощь. Но дело очень трудно продвигалось. Иногда даже казалось, что сделать ничего уже невозможно. Мы преодолевали сопротивление различных чиновников, особенно в Министерстве культуры. Постепенно про-

исходили изменения в правовом пространстве, в сознании людей. И в этом году появилась возможность выйти на правовое решение этого вопроса.

– Наших музейщиков, которые сберегли икону в самые тяжелые годы, можно понять. Но непонятной остается позиция Министерства культуры. Швыдкой готов вернуть Германии Бременскую коллекцию, хотя юридическая основа этого шага многими оспаривается. Почему же с передачей иконы было столько препон?

– Иногда мне кажется, что московские чиновники гораздо более косны. Наши во многих вопросах более продвинуты просто потому, что они ближе к жизни. Многие чиновники, которые подолгу работают на одном месте, не желают ничего менять просто потому, что они так привыкли. Вот живой пример: мы с большим трудом пробиваем сейчас площадки для строительства гостиниц в наших исторических городах. Понятно, что высококлассная гостиница с большим набором услуг для иностранных туристов, которые привезут с собой деньги, не может быть на окраине, она должна строиться в историческом центре. А это – охранная зона. Мы наткнулись на такие рогадки, которые невозможно было даже представить.

– В этой связи хотелось бы узнать ваше мнение вот по какому вопросу. Многие ревнители старины считают, что реконструкция зданий, как это было сделано недавно с «Европой» в Ярославле, – это вещь недопустимая. Мол, это муляжи, декорации, в которых нет исторической памяти.

– Россия вообще страна крайностей. Сначала мы считали, что все нужно разрушить и настроить стандартных функциональных зда-

ТЬ НАШИХ ДЕТЕЙ ВЕРИТЬ В СВОИ СИЛЫ

исходили изменения в правовом пространстве, в сознании людей. И в этом году появилась возможность выйти на правовое решение этого вопроса.

— **Наших музейщиков, которые сберегали икону в самые тяжелые годы, можно понять. Но непонятной остается позиция Министерства культуры. Швыдкой готов вернуть Германии Бременскую коллекцию, хотя юридическая основа этого шага многими оспаривается. Почему же с передачей иконы было столько препон?**

— Иногда мне кажется, что московские чиновники гораздо более косны. Наши во многих вопросах более продвинуты просто потому, что они ближе к жизни. Многие чиновники, которые подолгу работают на одном месте, не желают ничего менять просто потому, что они так привыкли. Вот живой пример: мы с большим трудом пробиваем сейчас площадки для строительства гостиниц в наших исторических городах. Понятно, что высококласная гостиница с большим набором услуг для иностранных туристов, которые привезут с собой деньги, не может быть на окраине, она должна строиться в историческом центре. А это — охранная зона. Мы наткнулись на такие рога, которые невозможно было даже представить.

— **В этой связи хотелось бы узнать ваше мнение вот по какому вопросу. Многие ревнители старины считают, что реконструкция зданий, как это было сделано недавно с «Европой» в Ярославле, — это вещь недопустимая. Мол, это муляжи, декорации, в которых нет исторической памяти.**

— Россия вообще страна крайностей. Сначала мы считали, что все нужно разрушить и настроить стандартных функциональных зда-

ний, а теперь решили, что абсолютно все до последнего гнилого кирпича нужно сохранять. Давайте хорошенько подумаем, что для нас важнее: сохранить кусок стены, обстроив его за бешеные деньги теми же муляжами, или построить здание с современной начинкой, фасад которого будет воспроизводить историческую среду? Я думаю, что второе. Так живет весь мир, и этот процесс невозможно остановить и не нужно останавливать. Что значит — муляжи. Если нам нужно сохранить архитектурный облик данного кусочка города, давайте думать о том, чтобы было не только красиво для приезжих, но и удобно для людей, которые в этих домах живут и работают. А если это сделать невозможно, потому что стены насквозь прогнили, то надо искать разумные варианты — ведь реставрационные работы гораздо дороже нового строительства.

— **Программа развития туризма в области создана не так давно, и до ее реализации, видимо, еще далеко. Но если предположить, что все пункты этой программы реализованы, вы верите, что к нам поедут иностранцы? Один из героев романа Достоевского «Игрок» говорит, что все русские, когда у них появляются деньги, едут в Париж...**

— А куда поедут парижане с деньгами?

— **Да. И не предпочтут ли они, скажем, Лондон, Вену или Мадрид?**

— Они поедут и в Лондон, и в Вену, и к нам. Но если посмотреть у нас есть что — здесь проблем не возникает, то в отношении сервиса мы отстали на много лет. И эту отсталость нужно ликвидировать, преодолевая вместе с тем внутреннюю настороженность людей по отношению к нашей стране. До последнего времени они боялись нашей нестабильности, наше-

го криминала и наших же спецслужб. В последнее время перелом здесь начался. Люди хотят к нам ехать, мы должны достойно их встречать.

— **Это что касается внешнего туризма. А внутренний? Такое ощущение, что за последние 15 лет он просто выродился. В Париж, конечно, могут себе позволить прокатиться еще немногие, но Турцию, Кипр и Египет наши люди осваивают куда охотнее, чем российские города.**

— А вы вспомните, что представлял собой раньше внутренний туризм. «Колбасные» поезда и автобусы. Оплаченные профсоюзом путевки. Теперь, когда стало нужно платить свои деньги, этот поток и иссяк. Потому что уровень сервиса, который за одну и ту же сумму могут предоставить турки и мы, очень разнится. Программа развития туризма — это очень многоплановый документ. Именно в этой сфере можно достаточно быстро создать массу рабочих мест.

— **А люди хотят переходить в сферу обслуживания, хотят этому учиться?**

— Очень много молодых людей хотят сегодня работать в сфере обслуживания. Совковый стереотип, когда считалось, что работать официантом или горничной стыдно, униЗИТЕЛЬНО и неприлично, поломался.

— **Наверное, в 1991 году, когда формировалась команда Анатолия Лисицына, тоже приходилось преодолевать стереотипы. С каким чувством приходили люди в команду нового главы области?**

— Команда получилась, можно сказать, сборная. Были в ней и люди, много лет проработавшие ранее в исполнительной власти, —

(Окончание на 2-й стр.)

Мы должны научить наших детей верить в свои силы

Быков Геннадий Степанович, Шамин Валерий Григорьевич и другие. И пришли люди новые, которые ранее только извне видели работу исполнительной власти, со своими представлениями о том, как это должно быть. И то, что Анатолий Иванович сумел соединить в своей команде такие, казалось бы, несоединимые вещи, не отнял ничего сразу, не привел строем совсем новых людей и не оставил только старых, и принесло результат.

— **Ирина Ильинична, вы можете назвать самые большие удачи, которых удалось добиться за прошедшие двенадцать лет, и, может быть, какие-то неудачи, разочарования?**

— Я бы на этот вопрос ответила так: вся моя работа по большому счету заключается в том, чтобы преодолевать предыдущие неудачи, поражения и разочарования. Накопились они за время тех катаклизмов, которые происходили в обществе, начиная с конца 80-х — начала 90-х годов, когда не стало хватать денег на социальную сферу, что-то пришло в упадок, подрастерялось многое хорошее. Порой большая часть моего рабочего времени уходит на решение текущих задач, на то, чтобы обеспечить хотя бы нормальное функционирование социальной сферы. Поэтому пока я бы не стала говорить о крупных достижениях. Но некоторые плюсы мы бы себе поставили.

— **Какие, например?**

— Мы бы поставили себе плюс за развитие образовательной структуры. Программа «Школьный автобус» принесла такие результаты, которых мы сами не ожидали. А ведь начиналась она, можно сказать, под огнем критики. Многие тогда говорили: нет школы — нет деревни. Но когда к маленькой деревне мы проложили дорогу, чтобы спокойно каждый день возить оттуда ребенка в школу, то оказалось, что мы дали этой деревне вторую жизнь. В конце июля мы проплатили последние 15 автобусов, предусмотренных программой, их планировалось приобрести сто. 1 сентября они будут переданы школам. Укрепление школ позволило провести компьютеризацию. Еще три года назад нам казалось фантастикой, чтобы в сельских школах были компьютерные классы. Сегодня это реальность. Я считаю, что сегодня можно говорить о каком-то продвижении — пока еще не прорыве, но продвижении в лучшую сторону — в сфере новых технологий в здравоохранении. Через три месяца мы открываем первую очередь областного детского диагностического центра, мы близки к закладке нового перинатального центра — это новый родильный дом с совершенно новыми технологиями. Это будет такой роддом, куда бы женщина не боялась идти рожать во второй, в третий раз.

— **То есть можно говорить, что у вас есть удовлетворение от сделанной работы...**

— От некоторых вещей — да. Конечно, есть удовлетворение, если вспомнить, что я пришла на полугодовые долги по пенсиям, на трехмесячные долги по зарплате бюджетникам, на почти полный износ — на 80 — 90 процентов — оборудования во всех медицинских учреждениях. Вскоре после моего назначения на эту должность мне пришлось на одном крупном совещании говорить о своей программе. Тогда я сама не верила, что мы все это сможем сделать. Но вот прошло пять лет — и я поставила галочек: это сделано, это сделано, это сделано. Разумеется, я не хочу сказать, что это только моя заслуга, — у нас работает целая команда. И еще: я абсолютно далека от того, чтобы говорить, что в той сфере, которой я занимаюсь, сейчас тишь да гладь. Как только одна проблема снимается с повестки дня, на ее место становятся три новые. Ведь приоритет социальных программ у нас

провозглашен только на словах. Отсюда и отношение к этим проблемам федеральных чиновников.

— **Может быть, это происходит потому, что все советники президента — мужчины, а эти вопросы ближе женщинам?**

— Может быть. Иногда я говорю себе, что они, наверное, хотят сначала решить экономические проблемы, а уж потом, когда промышленность встанет на ноги, приниматься за социальные вопросы. Но так рассуждать глупо. Экономике-то должны люди поднимать, у них другой жизни не будет. Сейчас человек за своего ребенка спокойным быть не может, на лечение у него денег нет, на улицу вечером он без опаски

ла инженером в научно-исследовательском институте — появлялась на неделю в месяц. И никому там была не нужна. Я, вообще-то говоря, 15 лет простояла у корыта и у плиты. Когда моя младшая дочь пошла в садик, то после первого же больничного мне сказали, что она — не садиковый ребенок. Поэтому я вечерами мыла полы, чертила ночами чертежи, чтобы заработать. И определенный кусок жизни у меня ушел на это. Но так сложились обстоятельства, что мне удалось эти годы наверстать.

— **При том ритме жизни это было возможно. А сейчас?**

— Думаю, нет. Да и в моем случае это было нетипично. Так сложилось, что мы еще в Рыбин-

— **Это хорошо?**

— Думаю, хорошо. Зачем нужно в молодости обязательно набивать шишки, а потом начинать избавляться от иллюзий? Может быть, их лучше и не иметь? Какие-то иллюзии, возможно, и обогащают человека, но до определенных пределов.

— **Александр Дольский в одной из своих песен спрашивает: «Помнишь ли, как плакали над голубем?» Сегодня ребенок способен заплакать над голубем?**

— Не всякий, но думаю, что да. И тот, кто сегодня заплачет над голубем, заплачет не потому, что так велела пионерская организация, а потому, что этого потребует его душа.

зан книгам» — в советское время превратили в штамп, но ведь смысл в ней — очень глубокий. Между тем из программы исключают Платонова, Пастернака, Ахматову, против чего уже выступили многие деятели культуры.

— Я более спокойно отношусь к этому вопросу. Вы в школе поняли «Войну и мир» или Достоевского? Я, например, его тогда возненавидела и только к тридцати годам прочитала. И сегодня я сомневаюсь, можно ли понять в школьном возрасте «Доктора Живаго» или «Котлован».

— **По крайней мере, к тридцати годам вы знали, что такая книга есть, а сейчас и знать про это не будут.**

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

выйти не может — такой работник в два раза увеличит ВВП?

— **А может ли у нас появиться на главе государства своя Маргарет Тетчер? Или ее сразу отправят в Петербург?**

— Я думаю, что для России очень важно привлекать женщин к власти, создавать им для этого условия. Большинство директоров департаментов у нас — женщины. И они прекрасно справляются. Женщины не менее работоспособны, они порой лучше могут выстроить приоритеты — это сегодня необходимо, а без этого можно обойтись, они дипломатич-

ские столкнулись с Анатолием Ивановичем и он во мне что-то увидел. Я во власть пришла в том возрасте, когда уже никого куда не берут. Мне было за сорок. Начинать сегодня в таком возрасте уже невозможно.

— **Конечно, хорошо, когда ребенка есть с кем оставить дома. Но у большинства женщин такой возможности нет. На ваш взгляд, в каком состоянии находится у нас сегодня дошкольное воспитание?**

— В плохом. Но я бы не хотела, чтобы эти слова были восприняты как критика тех, кто за очень

— **Тогда этого тоже требовала душа...**

— Но рядом стояли те, кто плакал потому, что так было надо.

— **Ну это уж, наверное, не над голубем, а над товарищем Сталиным.**

— Могло быть как угодно. Сегодняшний мир — более прагматичный, но он более искренний.

— **В последнее время все больше говорится о необходимости реформировать систему образования. Вводятся единый госэкзамен, тесты. Между тем есть много критиков западной системы образования, которые**

— Не думаю. Обзорные занятия, конечно, нужны. Но мы часто просто перегибаем палку, требуя от ребенка понимания таких вещей, до которых он просто не созрел. Надо с детьми поговорить: что они-то думают об этом.

— **А не получится, что они на всю жизнь останутся с одним Гарри Поттером?**

— Гарри Поттер не такой плохой герой. Он ничем не хуже, скажем, Чиполлино или Буратино, на которых мы с вами выросли и учились добру. Человек обязательно придет к книгам, если ему привита любовь к чтению. А привить любовь к чтению, заставляя ребенка читать непонимаемые им произведения, по-моему, невозможно. Я думаю, главный изъян нашего образования в том, что до сих пор не изжиты бурсацкие приемы в нашей школе, когда ребенка унижают, когда говорят, что он глупый и со своими тройками ни к чему не годится. В результате ребенок вырастает с заниженной самооценкой и дальше пугается любого шага, который ему нужно сделать для самореализации.

Главный изъян нашего образования в том, что до сих пор не изжиты бурсацкие приемы в нашей школе, когда ребенка унижают, когда говорят, что он глупый и со своими тройками ни к чему не годится. В результате ребенок вырастает с заниженной самооценкой и дальше пугается любого шага, который ему нужно сделать для самореализации.

нее, менее амбициозны, менее обидчивы, если хотите. Почему в Скандинавии много женщин во власти? Там женщина раскрепощена не директивой, а реально. Ее быт, ее возможности по воспитанию и обучению детей устроены так, что она может, не отставая от мужчины делать свою карьеру. А если нормального детского сада нет, если женщина после рождения ребенка на три года выпадает из строя и никто ее потом никуда не берет, если жилья нет, о какой политической карьере можно говорить?

— **А ваши дети ходили в детский сад?**

— Мой сын ходил в детский сад, болел часто, я брала больничный и на своей работе — я работа-

небольшие, за смешные деньги возится с чужими детьми. Мы хотим, чтобы здоровые, ум, интуиция, моральные качества подрастающей нашей смены закладывались за тысячу рублей в месяц. Не бывает чудес.

— **И при этом, как вы думаете, это новое поколение каким растет?**

— Оно очень многоплановое, очень интересное. Но в нем сегодня, как мне кажется, остро ощущается социальное расслоение. Становится все больше детей, которые растут в неблагополучных семьях, которые во всем обделены. И есть дети, которым семья дала возможность развиваться. Они намного умнее нас тогдашних, гораздо более прагматичны.

считают, что там растет заштампованное поколение, не способное к творчеству.

— Проводить эксперименты, наверное, нужно, но я не стала бы сразу после первых же результатов их массово внедрять. У нас все-таки свой менталитет. А что касается качества нашего образования, оно и сегодня очень высокое. Вопрос в другом: насколько, дав детям знания, наша школа готовит их еще и к жизни. Наши дети, получив немалые знания, потом часто не знают, куда им с этим багажом внедряться.

— **А как можно в школе научить жизни? Не на уроке же компьютерной грамотности. Известную фразу Горького — «Всему хорошему во мне я обя-**

— **Потому что у учителей это в свое время тоже было убито.**

— Вот нам и нужно стремиться к тому, чтобы воспитать человека, готового к самореализации. От этого будет зависеть, столкнется ли он опять с теми же проблемами, которые сейчас приходится решать нам, или сможет строить свою жизнь самостоятельно, не надеясь на доброго дядю по имени государство.

Беседовал
Андрей ФЕДОРОВ